

Е. Б. Подузова*

Защита прав сторон организационных отношений: проблемы теории и практики¹

Аннотация. В статье на основе анализа актуального гражданского законодательства и право-применительной практики о защите гражданских прав выявлены проблемы применения таких мер защиты, как запрет правопреемства, возмещение убытков, и комплекса мер преддоговорной ответственности в контексте защиты прав сторон организационных отношений, предложены собственные подходы к их решению.

Исследуется правовая природа преддоговорной ответственности. Представлен авторский подход к определению ее правовой природы. Исследуются проблемы применения комплекса мер преддоговорной ответственности в свете реформы гражданского законодательства. Рассматриваются проблемы возмещения убытков в рамках преддоговорной и организационной ответственности. Обращается внимание на практические трудности доказывания размера реального ущерба и упущенной выгоды за неисполнение организующего договора и нарушение организационного обязательства.

Вышеуказанные проблемы исследуются с учетом основных актуальных тенденций развития доктрины и правоприменительной практики, с учетом правовых позиций Верховного Суда РФ применительно к правопреемству и гражданско-правовой ответственности, представленных в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 24 марта 2016 г. № 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств» и постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 21 декабря 2017 г. № 54 «О некоторых вопросах применения положений гл. 24 Гражданского кодекса Российской Федерации о перемене лиц в обязательстве на основании сделки».

Ключевые слова: способы защиты, права, запрет правопреемства, тесная связь, цессия, возмещение убытков, преддоговорная ответственность, организационное обязательство, организационные отношения, организационное условие, содержание.

DOI: 10.17803/1994-1471.2018.94.9.133-140

¹ Статья подготовлена в рамках V Московского юридического форума и представлена в качестве доклада на научно-практической конференции «Новые контексты защиты гражданских прав и законных интересов: проблемы теории и вызовы практики», состоявшейся 6 апреля 2018 г. в Университете имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

© Подузова Е. Б., 2018

* Подузова Екатерина Борисовна, кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
ekaterinacivil@gmail.com
125993, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9

Реформа гражданского законодательства породила ряд проблемных ситуаций, связанных с применением мер защиты прав сторон особой группы гражданских отношений — организационных отношений.

Организационное обязательственное правоотношение обладает рядом конститутивных признаков, отличающих его от иных обязательств: неимущественное содержание; отсутствие тесной связи с личностью участников; объект — организация отношений сторон (организация договорных связей или организация совместной деятельности); организационное обязательство не имеет встречного предоставления, однако, в отличие от аналогичного обязательства в англосаксонской правовой системе, не лишено судебной защиты.

Среди спорных мер защиты можно выделить запрет правопреемства, возмещение убытков и комплекс мер преддоговорной ответственности.

В гражданском законодательстве (например, ст. 383, 1112 ГК РФ) существует одно общее основание запрета правопреемства — тесная связь с личностью участника правоотношения. Указанная категория носит оценочный характер, судебная практика не дает ее определения и не формулирует ее признаки, останавливаясь лишь на отдельных случаях применения этого понятия, зачастую — через отрицание².

В качестве примеров отсутствия тесной связи с личностью участника правоотношения в судебной практике отмечается обязанность по передаче имущества³, обязанность по оказанию

услуг⁴, обязанность по уплате денежной суммы⁵, а также рекомендуется принимать во внимание существо уступаемого права и цель ограничения перемены лиц в обязательстве, например исходя из положений п. 7 ст. 448 ГК РФ запрет уступки прав по договорам, заключение которых возможно только путем проведения торгов, не затрагивает требований по денежным обязательствам⁶.

Как представляется, признаками тесной связи с личностью участника правоотношения являются: возникновение, существование и реализация содержания правоотношения при наличии определенного субъектного состава, зависимость предмета, объекта и содержания правоотношения от свойств участников правоотношения.

В организационном обязательстве отсутствует тесная связь с личностью участников, каждая из его сторон заинтересована в выполнении организационных обязанностей именно своим контрагентом, а не третьим лицом.

На основании п. 2 ст. 388 ГК РФ не допускается без согласия должника уступка требования по обязательству, в котором личность кредитора имеет существенное значение для должника. Верховный Суд РФ, толкуя данную норму, указывает, что при оценке того, имеет ли личность кредитора в обязательстве существенное значение для должника, для целей применения п. 2 ст. 388 ГК РФ необходимо исходить из существа обязательства. Если стороны установили в договоре, что личность кредитора имеет существенное значение для должника, однако это не выте-

² См., например: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 мая 2012 г. № 9 «О судебной практике по делам о наследовании»; апелляционное определение Ставропольского краевого суда от 4 февраля 2016 г. по делу № 33-498/2016 // СПС «КонсультантПлюс».

³ См., например: постановление Третьего арбитражного апелляционного суда от 28 мая 2013 г. по делу № А33-748/2013; постановление Третьего арбитражного апелляционного суда от 25 декабря 2013 г. по делу № А33-8988/2013 // СПС «КонсультантПлюс».

⁴ См., например: постановление Восьмого арбитражного апелляционного суда от 16 июля 2013 г. по делу № А46-265/2013 // СПС «КонсультантПлюс».

⁵ См., например: постановление Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 22 ноября 2011 г. № 15АП-12601/2011 по делу № А32-19775/2009 // СПС «КонсультантПлюс».

⁶ См.: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21 декабря 2017 г. № 54 «О некоторых вопросах применения положений главы 24 Гражданского кодекса Российской Федерации о перемене лиц в обязательстве на основании сделки» // СПС «КонсультантПлюс».

кает из существа возникшего на основании этого договора обязательства, то подобные условия следует квалифицировать как запрет на уступку прав по договору без согласия должника (п. 2 ст. 382 ГК РФ)⁷.

В правоприменительной практике договор о совместной деятельности (договор простого товарищества), обладающий организующим содержанием, напрямую признан договором, порождающим обязательство, в котором личность его участника имеет существенное значение⁸. Таким образом, для организационных обязательств, возникших из иных видов организующих договоров, уступка требования допустима.

Не решают данную проблему положения п. 4 ст. 388 ГК РФ, согласно которым право на получение неденежного исполнения может быть уступлено без согласия должника, если уступка не делает исполнение его обязательства значительно более обременительным для него. Верховный Суд РФ дает следующие разъяснения: в случае, когда осуществленная без согласия должника уступка требования неденежного исполнения, в том числе частичная в делимом обязательстве, делает для должника исполнение его обязательства значительно более обременительным, должник вправе исполнить обязательство cedentу (п. 3 ст. 384, п. 4 ст. 388 ГК РФ). Если переход названного требования не может быть признан значительно более обременительным для должника, однако требует от него дополнительных усилий или затрат, cedent

и цессионарий обязаны возместить должнику соответствующие расходы. До исполнения cedentом и (или) цессионарием этой обязанности должник по общему правилу не считается просрочившим (ст. 405, 406 ГК РФ)⁹. Но тем не менее бремя доказывания оценочного понятия обременительности возложено на должника.

Иная судебная практика относит к таким обязательствам непредпринимательские обязательства¹⁰, к которым организационное обязательство в большинстве ситуаций отнесено быть не может, поскольку упорядочивание будущих отношений наиболее актуально именно для предпринимательской деятельности.

Суды допускают цессию в отношении прав по организационному обязательству, возникшему из предварительного договора (ст. 429 ГК РФ)¹¹.

По нашему мнению, в целях установления гарантий защиты своих интересов сторонам организационного обязательства следует заключать соглашение о запрете цессии. Условие или соглашение о запрете цессии может быть включено или может являться обслуживающим для имущественного первоначального договора. По своей правовой природе условие о запрете цессии, а также соглашение о нем являются организационными. Соглашение о запрете цессии направлено на воздержание от совершения действий, нового обязательства не порождает, следовательно, договором не является¹². Соглашение о запрете цессии обладает исковой защитой, поскольку закон предусматривает

⁷ См.: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21 декабря 2017 г. № 54.

⁸ См.: информационное письмо Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 25 июля 2000 г. № 56 «Обзор практики разрешения арбитражными судами споров, связанных с договорами на участие в строительстве» // СПС «КонсультантПлюс».

⁹ См.: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21 декабря 2017 г. № 54.

¹⁰ См., например: постановление Арбитражного суда Уральского округа от 10 декабря 2015 г. № Ф09-8567/15 по делу № А50-2931/2015; постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 29 апреля 2016 г. № Ф04-1305/2016 по делу № А46-6505/2015; постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 13 мая 2016 г. № 17АП-3473/2016-ГК по делу № А50-28097/2015 // СПС «КонсультантПлюс».

¹¹ См., например: определение Верховного Суда РФ от 26.08.2015 № 307-ЭС15-10541 по делу № А56-67921/2013; постановление Федерального арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 26 июля 2010 г. по делу № А70-9967/2009 // СПС «КонсультантПлюс».

¹² См. об этом: *Василевская Л. Ю.* Правовая природа соглашения об отступном: проблемы определения и толкования // Закон. 2009. № 3. С. 161—169.

определенные правовые последствия в связи с его неисполнением. Если договором был предусмотрен запрет уступки, сделка по уступке может быть признана недействительной по иску должника только в случае, когда доказано, что другая сторона сделки знала или должна была знать об указанном запрете (абз. 2 п. 2 ст. 382 ГК РФ). Однако абз. 2 п. 2 ст. 382 ГК РФ признается утратившим силу с 1 июня 2018 г. (Федеральный закон от 26 июля 2017 г. № 212-ФЗ).

Для защиты прав должника остается действующим п. 3 ст. 388 ГК РФ, согласно которому соглашение между должником и кредитором об ограничении или о запрете уступки требования по денежному обязательству не лишает силы такую уступку и не может служить основанием для расторжения договора, из которого возникло это требование, но кредитор (цедент) не освобождается от ответственности перед должником за данное нарушение соглашения.

Применительно к данной норме Верховный Суд РФ отмечает, что уступка требований по денежному обязательству в нарушение условия договора о предоставлении согласия должника или о запрете уступки по общему правилу действительна независимо от того, знал или должен был знать цессионарий о достигнутом цедентом и должником соглашении, запрещающем или ограничивающем уступку. Вместе с тем, если цедент и цессионарий, совершая уступку вопреки названному договорному запрету, действовали с намерением причинить вред должнику, такая уступка может быть признана недействительной (ст. 10 и 168 ГК РФ)¹³.

Иная судебная практика и доктрина сужает сферу применения данных правил до непредпринимательских отношений¹⁴. Таким образом,

участники непредпринимательских денежных отношений лишены права на защиту посредством применения мер гражданско-правовой ответственности.

В силу абз. 2 п. 4 ст. 388 ГК РФ соглашением между должником и цедентом может быть запрещена или ограничена уступка права на получение неденежного исполнения. С 1 июня 2018 г. п. 4 ст. 388 ГК РФ дополняется абзацем следующего содержания: если договором был предусмотрен запрет уступки права на получение неденежного исполнения, соглашение об уступке может быть признано недействительным по иску должника только в случае, когда доказано, что другая сторона соглашения знала или должна была знать об указанном запрете (Федеральный закон от 26 июля 2017 г. № 212-ФЗ). Данное правило неравносильно отменяемому положению 2 п. 2 ст. 382 ГК РФ, поскольку распространяется только на неденежное исполнение.

Новое правило содержит предписанный способ защиты права, в условиях запрета конкуренции исков¹⁵ и приоритета специальной нормы над общей должник по неденежному исполнению лишен возможности использовать иск о возмещении убытков. Остается также неясным, каким образом исчислять и доказывать размер убытков, причиненных должнику нарушением запрета цессии, поскольку условие о таком запрете носит организационный характер.

В современном гражданском законодательстве отсутствует порядок исчисления размера взыскиваемых убытков за нарушение организационного условия. В постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 24 марта 2016 г. № 7 «О применении судами некоторых положений

¹³ См.: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21 декабря 2017 г. № 54.

¹⁴ См. об этом, например: определение Верховного Суда РФ от 13 марта 2017 г. № 310-ЭС17-595 по делу № А36-6801/2015 // СПС «КонсультантПлюс»; определение Верховного Суда РФ от 31 марта 2017 г. № 307-ЭС17-2360 по делу № А56-11661/2016 // СПС «КонсультантПлюс»; *Полкова Л. А.* Косвенное синдицированное кредитование: основные модели и практика применения // *Банковское право*. 2016. № 4. С. 59—64.

¹⁵ См.: постановление Конституционного Суда РФ от 21 апреля 2003 г. № 6-П «По делу о проверке конституционности положений пунктов 1 и 2 статьи 167 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан О. М. Мариничевой, А. В. Немировской, З. А. Скляновой, Р. М. Скляновой и В. М. Ширяева» // СПС «КонсультантПлюс».

Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств» (далее — Постановление Пленума ВС РФ № 7) также не предусмотрен порядок исчисления размера данных убытков.

В силу правовой нормы, закрепленной в п. 2 ст. 15 ГК РФ, убытки подразделяются на реальный ущерб и упущенную выгоду. При нарушении организационного обязательства нарушается содержащаяся в нем обязанность организации договорных связей или организации совместной деятельности, однако никаких расходов для восстановления нарушенного права добросовестной стороны не производится, затраты добросовестной стороны на поиск новых контрагентов не могут быть квалифицированы в качестве таких расходов, поскольку указанные действия относятся к обычной хозяйственной деятельности и ведению договорной работы и невозможно доказать, что поиск новых контрагентов и партнеров для ведения бизнеса связан именно с нарушением конкретного организационного обязательства. Организационное обязательство обладает неимущественной природой, уничтожения либо повреждения имущества при неисполнении организационного обязательства не происходит. У добросовестной стороны организационного обязательства в большинстве случаев нет возможности обосновать свое требование возмещения реального ущерба.

Согласно п. 4 ст. 393 ГК РФ при определении упущенной выгоды учитываются предпринятые кредитором для ее получения меры и сделанные с этой целью приготовления. Как отмечается в п. 2 Постановления Пленума ВС РФ № 7, расчет упущенной выгоды может производиться на основе данных о прибыли истца за период времени до нарушения ответчиком обязательства и/или после того, как это нарушение было прекращено.

Прибыль от исполнения организационного обязательства может быть получена его стороной лишь посредством исполнения имущественных обязательств, базирующихся на организационном, поэтому добросовестная сторона организационного обязательства лишена воз-

можности приводить вышеуказанное обоснование размера упущенной выгоды. Упущенную выгоду возможно взыскать только в том случае, если сторона докажет, что предпринятые меры и приготовления для ее получения были совершены в связи с существованием организационного обязательства.

Современная судебная практика не ограничивает добросовестную сторону в представлении любых доказательств возможности извлечения упущенной выгоды¹⁶. Однако с практической точки зрения затруднительно представить доказательства того, что стороной организационного обязательства были предприняты меры и совершены приготовления для получения упущенной выгоды в рамках организации договорных связей или организации совместной деятельности, так как прямой имущественной выгоды сторона организационного обязательства при его исполнении не получает.

Практически применимым способом защиты сторон организационного обязательства от имущественных потерь в связи с его неисполнением считаем договорную неустойку (ст. 330, 331 ГК РФ). В пунктах 60—68 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24 марта 2016 г. № 7 не содержится ограничений по применению неустойки в качестве меры ответственности за неисполнение организационного обязательства. В то же время сторонам придется использовать неустойку в форме штрафа (п. 1 ст. 330 ГК РФ), поскольку рассчитать размер пеней при неисполнении неимущественного обязательства невозможно.

Определенные практические проблемы связаны с введением в Гражданский кодекс РФ норм о преддоговорной ответственности (ст. 434.1).

Понятие «преддоговорная ответственность» можно понимать в узком и широком смыслах слова. В узком смысле преддоговорная ответственность представляет собой неблагоприятные последствия недобросовестного ведения переговоров о заключении договора. В широком смысле — неблагоприятные последствия действия или бездействия в рамках организации договорных связей, включая раскрытие

¹⁶ См.: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 марта 2016 г. № 7.

в ходе переговоров информации, имеющей конфиденциальный характер, неисполнение организационных обязательств, а также уклонение от государственной регистрации договора.

Одним из видов преддоговорной ответственности является ответственность за неисполнение организационного договора. Она представляет собой определенные неблагоприятные последствия имущественного (взыскание убытков, уплата неустойки) и неимущественного (понууждение к заключению основного договора, предусмотренное в п. 4 ст. 445 ГК РФ) характера за недобросовестное поведение стороны на преддоговорной стадии, причинившее вред другой стороне и выразившееся в прерывании или недобросовестном ведении переговоров о заключении основного договора либо в необоснованном отказе от заключения основного договора.

Двойственность трактовки понятия «преддоговорная ответственность» предполагает ее смешанную правовую природу. Преддоговорная ответственность в узком смысле слова носит деликтный характер. Стороны не состоят в относительных обязательственных правоотношениях, недобросовестное ведение переговоров относится к числу гражданских правонарушений, поскольку противоречит нормативно закреплённому принципу добросовестности (ст. 10, п. 3 ст. 307, п. 2 ст. 434.1 ГК РФ). Преддоговорная ответственность в широком смысле обладает смешанной деликтно-договорной правовой природой. Преддоговорная ответственность за неисполнение организующего договора может быть квалифицирована в качестве договорной ответственности, поскольку стороны состоят в обязательственных отношениях, возникших из организационного договора¹⁷.

Положения ст. 434.1 ГК РФ, посвященные ответственности за недобросовестное ведение переговоров, также отражают ее двойственную правовую природу как разновидности преддоговорной ответственности, поскольку применимы как при нарушении организационного

обязательства, так и при срыве переговоров в случае отсутствия первоначальных договорных отношений.

Кроме того, правила ст. 434.1 ГК РФ не исключают применения к отношениям, возникшим при установлении договорных обязательств, правил гл. 59 ГК РФ. Как поясняет Верховный Суд РФ, приводя конкретные примеры, юридическое лицо либо гражданин возмещает вред, причиненный недобросовестным поведением его работника при проведении переговоров (ст. 1068 ГК РФ); если такой вред причинен несколькими контрагентами совместно, они отвечают перед потерпевшим солидарно (ст. 1080 ГК РФ)¹⁸.

По справедливому мнению Верховного Суда РФ, предполагается, что каждая из сторон переговоров действует добросовестно и само по себе прекращение переговоров без указания мотивов отказа не свидетельствует о недобросовестности стороны. На истце лежит бремя доказывания недобросовестности ответчика, например истцу придется доказать, что ответчик вступил в переговоры с истцом с целью получения коммерческой информации у истца либо воспрепятствования заключению договора между истцом и третьим лицом. При этом п. 2 ст. 1064 ГК РФ не применяется. Вместе с тем Верховный Суд РФ подтверждает установленную в п. 2 ст. 434.1 ГК РФ презумпцию недобросовестности лица, если имеются указанные в данном пункте обстоятельства. В этих случаях ответчик должен доказать добросовестность своих действий¹⁹.

В силу положений п. 3, 4 ст. 434.1 ГК РФ сторона, которая ведет или прерывает переговоры о заключении договора недобросовестно, обязана возместить другой стороне причиненные этим убытки, под которыми признаются расходы, понесенные другой стороной в связи с ведением переговоров о заключении договора, а также в связи с утратой возможности заключить договор с третьим лицом.

Как отмечается в юридической литературе, характер убытков законодатель описал в формате

¹⁷ См. об этом также: Договорное право России: реформирование, проблемы и тенденции развития / под общ. ред. Л. Ю. Василевской. М.: Норма: Инфра-М, 2016. С. 42—62 (автор главы — Е. Б. Подузова).

¹⁸ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24 марта 2016 г. № 7.

¹⁹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24 марта 2016 г. № 7.

негативного интереса, то есть возмещение убытков направлено на возвращение добросовестной стороны ведения переговоров о заключении договора в положение, в котором она находилась бы, если бы вовсе не вступила в переговоры²⁰.

Формулировка п. 3, 4 ст. 434.1 ГК РФ порождает ряд практических проблем. В статье 15 ГК РФ убытки подразделяются на реальный ущерб и упущенную выгоду. Тогда как в случае выявления договорной природы ответственности за недобросовестное ведение переговоров должны применяться правила п. 4 ст. 393 ГК РФ, согласно которым при определении упущенной выгоды учитываются предпринятые кредитором для ее получения меры и сделанные с этой целью приготовления. Как уже отмечалось выше, согласно п. 2 Постановления Пленума ВС РФ № 7 расчет упущенной выгоды может производиться на основе данных о прибыли истца за период времени до нарушения ответчиком обязательства и/или после того, как нарушение было прекращено. Есть некоторые сомнения в возможности практического применения данных разъяснений Верховного Суда РФ для преддоговорной ответственности, поскольку затруднительно доказать размер прибыли истца на преддоговорном этапе в отсутствие заключенного аналогичного договора. Потерю прибыли по причине незаключенности договора виновная сторона вправе квалифицировать как предпринимательский риск (ст. 2 ГК РФ), такую квалификацию потерпевшей стороне оспорить будет сложно.

Кроме того, в п. 3 ст. 434.1 ГК РФ не раскрыта правовая природа расходов, понесенных другой

стороной в связи с утратой возможности заключить договор с третьим лицом. Возникает вопрос о возможности квалификации данных расходов в качестве упущенной выгоды либо о соотношении этих расходов и упущенной выгоды для целей расчета размера понесенных убытков.

В Постановлении Пленума ВС РФ № 7 при анализе п. 3 ст. 434.1 ГК РФ делается отсылка к ст. 15 ГК РФ, что дает основания считать возможной квалификацию расходов в связи с утратой возможности заключить договор с третьим лицом в качестве упущенной выгоды. Утрата возможности заключить договор влечет для потерпевшей стороны неполучение определенных доходов, что характерно для упущенной выгоды. В то же время остается неясным механизм доказывания размера такой специальной упущенной выгоды, поскольку договор с третьим лицом не планировался к заключению из-за переговоров с недобросовестной стороной. Неясен и порядок применения в данной ситуации п. 4 ст. 393 ГК РФ.

Подводя итоги, необходимо отметить, что запрет правопреемства, возмещение убытков и комплекс мер преддоговорной ответственности являются одними из основополагающих мер защиты гражданских прав в рамках юрисдикционных и внеюрисдикционных форм защиты и базируются на принципах гражданского права (ст. 1, 10 ГК РФ). Однако современное состояние гражданского законодательства и вступающие в силу изменения значительно сужают сферу их практического применения, усложняя практику доказывания в суде.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Василевская Л. Ю. Правовая природа соглашения об отступном: проблемы определения и толкования // Закон. — 2009. — № 3. — С. 161—169.
2. Демкина А. В. О преддоговорной ответственности в гражданском праве // Гражданское право. — 2016. — № 1.
3. Договорное право России: реформирование, проблемы и тенденции развития / под общ. ред. Л. Ю. Василевской. — М. : Норма: Инфра-М, 2016.
4. Попкова Л. А. Косвенное синдицированное кредитование: основные модели и практика применения // Банковское право. — 2016. — № 4. — С. 59—64.

Материал поступил в редакцию 16 апреля 2018 г.

²⁰ См.: Демкина А. В. О преддоговорной ответственности в гражданском праве // Гражданское право. 2016. № 1.

**PROTECTING THE RIGHTS OF PARTIES TO AN ORGANIZATIONAL RELATIONSHIP:
PROBLEMS OF THEORY AND PRACTICE²¹**

PODUZOVA Ekaterina Borisovna — PhD in Law, Associate Professor of the Department of Civil Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
ekaterinacivil@gmail.com
125993, Russia, Moscow, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9

Abstract. *Based on the analysis of current civil legislation and law enforcement practice on the protection of civil rights, the article reveals the problems of applying such measures as prohibition of succession, compensation for damages, and a set of pre-contractual liability measures in the context of protecting the rights of parties to organizational relations, suggested their own approaches to solving them.*

The legal nature of pre-contractual liability is investigated. The author's approach to the definition of its legal nature is presented. The problems of applying a set of pre-contractual liability measures in the light of the reform of civil legislation are being investigated. The problems of indemnification in the framework of pre-contractual and organizational responsibility are considered. Special attention is given to the practical difficulties of proving the size of actual damages and lost profits for the failure to perform an organizing contract and breach of organizational obligation.

The above problems are studied taking into account the main current trends in the development of doctrine and law enforcement practice. The author considers legal positions of the Supreme Court of the Russian Federation with regard to succession and civil liability, presented in the decision of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of March 24, 2016 No. 7 "On application of some provisions of the Civil Code of the Russian Federation on liability for breach of obligations" and the decision of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of December 21, 2017 No. 54 "Some issues of application of the provisions of Chapter 24 of the Civil Code of the Russian Federation on the change of persons in the obligation on the basis of the transaction".

Keywords: *methods of protection, rights, prohibition of succession, close connection, cession, damages, pre-contractual liability, organizational obligation, organizational relations, organizational condition, content.*

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Vasilevskaya L. Yu. Pravovaya priroda soglasheniya ob otstupnom: problemy opredeleniya i tolkovaniya // Zakon. — 2009. — № 3. — S. 161—169.
2. Demkina A. V. O preddogovornoy otvetstvennosti v grazhdanskom prave // Grazhdanskoe pravo. — 2016. — № 1.
3. Dogovornoe pravo Rossii: reformirovanie, problemy i tendentsii razvitiya / pod obshch. red. L. Yu. Vasilevskoy. — M. : Norma: Infra-M, 2016.
4. Popkova L. A. Kosvennoe sinditsirovannoe kreditovanie: osnovnye modeli i praktika primeneniya // Bankovskoe pravo. — 2016. — № 4. — S. 59—64.

²¹ The article was prepared within the framework of the Vth Moscow Legal Forum and presented as a report at the scientific-practical conference "New contexts for the protection of civil rights and legal interests: Problems of Theory and Challenges of Practice", held on April 6, 2018 at the Kutafin Moscow State Law University. (MSAL)